

# «РЯБИНКА У БОЙНИЦЫ»: РЕАБИЛИТАЦИЯ ДОВОЕННОГО ПРОШЛОГО В ПАМЯТИ КАЛИНИНГРАДЦЕВ (1970-е – 1980-е ГОДЫ)

Илья Дементьев

## ABSTRACT

The article analyzes the competition between the official and alternative discourses of the region's past that formed in Kaliningrad over the 70s to the 80s of the 20<sup>th</sup> c. The author notes that, next to the efforts of the government to form a respective image of the past of the pre-war Kaliningrad Oblast, different behaviour strategies formed which enabled the preparation of the ground for the rehabilitation of the pre-war cultural heritage even under the conditions of ideological dictate. The process of the formation of a mechanism of continuous interest in the past of the region is examined, and formal and informal groups that undertook to meet the interest in the years of Perestroika are characterized.

KEY WORDS: East Prussia, Kaliningrad, Soviet historical discourse, East Prussian cultural heritage, collective memory.

## ANOTACIJA

Straipsnyje analizuojama konkurencija, kuri XX a. 8–9-uoju dešimtmečiais Kaliningrado srityje formavosi tarp oficialaus ir alternatyvių diskursų apie regiono praeitį. Autorius atkreipia dėmesį, kad be valdžios pastangų kurti atitinkamą ikikarinės Kaliningrado srities praeities vaizdinį, formavosi įvairios elgesio strategijos, leidusios ir ideologinio diktato sąlygomis rengti dirvą ikikariniam kultūros palikimui reabilituoti. Tiriama, kaip formavosi nuolatinio domėjimosi krašto praeitimi mechanizmas, apibūdintos formalios ir neformalios grupės, kurios ėmėsi tenkinti šį domėjimąsi Pertvarkos metais.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: Rytų Prūsija, Kaliningradas, tarybinis istorijos diskursas, Rytų Prūsijos kultūros paveldas, kolektyvinė atmintis.

*Илья Олегович Дементьев, кандидат исторических наук, доцент  
Кафедры зарубежной истории и международных отношений Исторического факультета  
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта  
г. Калининград, ул. А. Невского 14, 236041, Россия  
Эл. почта: IDementev@kantiana.ru*

## Постановка проблемы

Символическое присвоение пространства на территории Калининградской области (северной части бывшей Восточной Пруссии) происходило на протяжении всей советской эпохи, и официальный дискурс об истории в 1970–1980-х гг. не мог принципиально отличаться от того, который сложился в предыдущие десятилетия.\* Общим местом в историографии стало положение о том, что изучение региональной истории протекало под влиянием особенностей происхождения Калининградской области как аннексированной территории; это обуславливало ограничения исторического нарратива «жёсткими партийно-идеологическими установками и тотальной цензурой»<sup>1</sup>. Власти не были заинтересованы ни в развитии

\* Автор выражает признательность за содействие в подготовке материала Анатолию Павловичу Бахтину, Юрию Владимировичу Костяшову и сотрудникам Государственного архива Калининградской области.

<sup>1</sup> ГАЛЬЦОВ, В.; СЕРГЕЕВ, В. Проблема трансформации Восточной Пруссии в Калининградскую область в документальных публикациях и научных исследованиях. In *Antrojo pasaulinio karo pabaiga Rytų Prūsijoje: faktai ir istorinės išvalgos* (Acta Historica Universitatis Klaipedensis, t. XVIII). Sud. A. L. ARBUŠAUSKAITĖ. Klaipėda, 2009, p. 71. См. также: ГАЛЬЦОВ, В. История Калининградской области в документальных публикациях. In *Калининградской области – 60: этапы истории, проблемы развития*. Отв. ред. В. МАСЛОВ. Калининград, 2006, с. 5.

исторической науки, ни в широкой популяризации истории края. Этими установками объясняется то, что за всё советское время было опубликовано лишь два сборника документов о становлении Калининградской области<sup>2</sup>. По оценке Валерия Гальцова, «подборка материалов соответствовала в большей степени пропагандистским, чем научно-исследовательским целям»<sup>3</sup>. Если такое положение было характерным для советского периода истории края, тем более невозможным было легальное исследование довоенного прошлого региона. Отдельные инициативы, направленные на включение немецкого наследия в символическое пространство современного Калининграда, были обречены на провал вследствие «жёсткого сопротивления партийного руководства», усматривавшего в них покушение на его «исключительное право на интерпретацию истории» и, следовательно, угрозу для политической монополии – «так продолжалось до 1991 г., когда стало возможным свободное обращение с историей города и всего региона», отмечает Берт Хоппе<sup>4</sup>. Ему вторит Стефан Бергер: «Кёнигсберг также оставался табуированной темой в Калининграде вплоть до 1980-х гг. [...] власти оставались по-прежнему осторожными, чтобы не пугать жителей города дальнейшими лобовыми атаками *à la* Замок»<sup>5</sup>.

Как утверждает Виктор Суворов, развитие краеведения в Калининграде в конце 1940-х – середине 1980-х годов было обусловлено «идеологическими установками, сложившимися в период Великой Отечественной войны, по которым всё немецкое, включая немецкую историю и культуру, воспринималось как неприемлемое для советского народа». Такие представления, по мнению исследователя, продолжали преобладать в Калининградской области даже после того, как с начала 1970-х гг. процесс разрядки международной напряжённости в целом привёл к переосмыслению германской истории в советской историографии<sup>6</sup>. Общие черты периода между 1945 г. и концом 1980-х гг. выделяет также Владимир Кулаков: тогда происходило «косвенное изучение исторических и архитектурных памятников Кёнигсберга в рамках поисков утраченных в войну художественных ценностей. [...] По мере исчезновения старой застройки интерес историков-профессионалов к Калининграду угасал»<sup>7</sup>.

Зарубежные исследователи присоединяются к общему мнению о том, что лишь в середине 1980-х – начале 1990-х гг. начинается новый этап в развитии исторического сознания калининградцев, когда «стало заметно стремление к публичному обсуждению довоенной

<sup>2</sup> *Самая западная. Сборник документов и материалов о становлении и развитии Калининградской области.* Вып. 1: 1946–1952 гг. Калининград, 1980; Вып. 2: 1952–1961 гг. Калининград, 1987. Исследователи отмечают видовое однообразие источников и идеологическую направленность сборников. См.: ГАЛЬЦОВ, В.; СЕРГЕЕВ, В. *Op. cit.*, p. 72.

<sup>3</sup> ГАЛЬЦОВ, В. *Op. cit.*, с. 6.

<sup>4</sup> ХОППЕ, Б. Кёнигсберг / Калининград в XX в. – фокус современной европейской истории. In *Балтийский регион в истории России и Европы*. Ред. В. ГАЛЬЦОВ. Калининград, 2005, с. 199. См. также: НОРПЕ, В. *Auf den Trümmern von Königsberg. Kaliningrad 1946-1970* (Schriftenreihe der Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, Bd. 80). München, 2000, S. 152.

<sup>5</sup> BERGER, S. Kaliningrader Identitäten nach dem Ende des Kalten Krieges: einige einleitende Bemerkungen. In *Kaliningrad in Europa. Nachbarschaftliche Perspektiven nach dem Ende des Kalten Krieges*. Hrsg. von S. BERGER. Wiesbaden, 2010, S. 24.

<sup>6</sup> СУВОРОВ, В. Становление исторического краеведения Калининградской области. In *Проблемы истории Восточной Пруссии: материалы конференции*. Калининград, 1993, с. 6. Позже автор выделял особую периодизацию для исследования древней истории региона: новый этап, пришедшийся на начало 1970-х гг., был связан с появлением новых исследователей и изменением подходов в осмыслении прошлого региона. См.: СУВОРОВ, В. Древняя история края в исследованиях 1940–1960 годов. In *Калининградские архивы: материалы и исследования*. Вып. 1. Калининград, 1998, с. 125.

<sup>7</sup> КУЛАКОВ, В. История Кенигсберга в отечественной историографии с 1945 года. In *Калининградские архивы*. Вып. 1. Калининград, 1998, с. 133.

истории края» (Экхард Маттес)<sup>8</sup>. «Политика гласности Михаила Горбачёва, – резюмирует С. Бергер, – сделала с середины 1980-х гг. возможным, чтобы немецкое прошлое города вновь было открыто для обсуждения»<sup>9</sup>.

Эволюция исторического сознания калининградцев в важнейший период (накануне и во время Перестройки) пока не стала объектом специального исследования. В работах современных зарубежных историков, посвящённых послевоенной истории Калининграда, изложение событий и характеристика процесса общественного развития как правило ограничивается 1946–1970 гг.<sup>10</sup> В своей книге Э. Маттес уделяет развитию профессиональной историографии в Калининграде 1970–1980-х гг. лишь несколько страниц. В фундаментальной монографии польского исследователя Анджея Саксона изложение истории Калининграда в 1950–1990 гг. заметно проигрывает в объёме материала и глубине его анализа характеристике первого послевоенного пятилетия: события 1970–1980-х гг. излагаются конспективно, в основном описывается трагическая судьба памятников немецкого наследия<sup>11</sup>. Указанный период остаётся во многом «белым пятном» и для современной российской историографии: по уровню драматизма происходивших событий он явно уступает периодам конца 1940-х и конца 1960-х гг. Однако именно на эти годы приходится активная деятельность «второго поколения» – детей первых переселенцев – по присвоению символического пространства. Ольга Сезнева подчёркивает, что не позднее 1968–1970 гг. всё большее число людей принимало «пруско-германский элемент городской среды. Они настаивали на том, что имеют другую самость, иное понимание места»<sup>12</sup>, в результате произошёл конфликт с официально провозглашённым пониманием истории. Период 1970–1980-х гг. сыграл важную роль также в формировании региональной идентичности калининградцев. Столкновение официального дискурса и зарождающихся альтернативных дискурсов об истории позволяет проследить перемены в общественном сознании, которые подготовили феноменальный успех исторической тематики в годы Перестройки. В настоящей работе предпринята попытка продемонстрировать стратегии, применявшиеся властью для обеспечения контроля над культурной памятью калининградцев, а также охарактеризовать сферы общественного сознания, в которых формировались альтернативные стратегии.

Властный дискурс был обезличен, его носителями выступали люди, вовлечённые в работу всей государственной машины. Очень трудно выявить степень личной причастности этих людей к процессу формирования официоза: мемуарные источники позволяют сделать это *mutatis mutandis* в редких случаях проявления нелояльности лиц, облечённых властью. Так, воспоминания архитектора о том, как директор института занижал смету на реконструкцию бывшей немецкой кирхи, чтобы избежать её сноса, показывают границы влияния официального дискурса – явно в 1970-е гг. более узкие по сравнению с 1940-ми. Альтернативные стратегии всегда лично окрашены, они связаны с действиями конкретных людей, с

<sup>8</sup> МАТТЕС, Э. Запрещённое воспоминание. In КОСТЯШОВ, Ю. *Изгнание прусского духа: Как формировалось историческое сознание населения Калининградской области в послевоенные годы* / МАТТЕС, Э. *Запрещённое воспоминание: Возвращение истории Восточной Пруссии и региональное сознание жителей Калининградской области (1945-2001)*. Калининград, 2003, с. 84.

<sup>9</sup> BERGER, S. Op. cit., S. 24.

<sup>10</sup> HOPPE, B. Op. cit.; BRODERSEN, P. *Die Stadt im Westen. Wie Königsberg Kaliningrad wurde*. Göttingen, 2008.

<sup>11</sup> SAKSON, A. *Od Klajpedy do Olsztyna. Współcześni mieszkańcy byłych Prus Wschodnich: Kraj Klajpedzki, Obwód Kaliningradzki, Warmia i Mazury*. Poznań, 2011, s. 310–311.

<sup>12</sup> SEZNEVA, O. Modalities of Self-understanding, Identification and Representation in the Post-1991 Kaliningrad. A critical view. In *Kaliningrad in Europa...*, S. 45.

разной степенью смелости бросающих вызов санкционированным властью ограничениям. Восстановить типичные стратегии, обозначить казусы, демонстрирующие степень расширения пространства возможных действий в советском городе 1970-х гг., – актуальная исследовательская задача.

### **«Цветы на могиле Канта»: официальный дискурс и многообразие альтернативных стратегий присвоения прошлого**

Общая характеристика официального дискурса об истории неразрывно связана с практикой коммеморации, характерной для брежневского времени. Как указывает Василиус Сафроновас, на это время в СССР приходится вторая стадия включения образов войны в публичную коммуникацию. По мнению литовского исследователя, на территориях Калининградской области и бывшего Клайпедского края сложившиеся практики коммеморации выполняли ряд функций: легитимировали присоединение немецких в прошлом территорий к СССР; придавали единому сюжету завоевания статус «мифа происхождения» нового социального и политического порядка; формировали ценностные ориентации в обществе<sup>13</sup>. Сравнение двух близких регионов приводит В. Сафроноваса к выводу о различиях образов, складывавшихся в пропаганде: в Клайпедке завоевания обозначались как «освобождение» литовских земель от немецкого гнёта, тогда как в Калининграде в отсутствие опоры на традицию эти образы поддерживали стратегию узаконения военного трофея: отсюда мотивы «возмездия» и «мести» врагу. Эти различия объясняют для автора актуальность мифа происхождения в Калининграде до сих пор: попытки найти «русские корни» в прошлом Калининградской области не достигли таких успехов, как в Клайпедке, где были найдены «литовские корни»; в итоге «освоение» города могло осуществляться лишь в советском контексте<sup>14</sup>.

Насколько в действительности стратегия культивирования подвига и возмездия была характерна для всего этого периода? Действительно, задача сохранения памяти о войне решалась на общегосударственном уровне – во всех сферах от изменения топонимики до воспитательной работы в школах. Уже в 1970 г. фронтовик и журналист Сергей Дриго констатировал, что в деле увековечения памяти героев войны сделано немало: «их именами названы города, посёлки, улицы, рыбацкие суда»<sup>15</sup>. Эти процессы получили продолжение в 1970–1980-х гг., однако именно в это время стала преобращаться и городская среда, в которой жили калининградцы.

Массовое строительство панельных зданий было дополнено точечным восстановлением зданий довоенной постройки. В 1970-е гг. это были музей янтаря (бастион «Дер Дона»), театр кукол (церковь памяти королевы Луизы), органнй зал (церковь Святого Семейст-

<sup>13</sup> На примере Клайпедского края и Калининградской области. См.: SAFRONOVAS, V. Antrojo pasaulinio karo įvykiai Rytų Prūsijoje Klaipėdos krašto ir Kaliningrado srities atminimo kultūroje. In *Antrojo pasaulinio karo...*, p. 107. Мне оказалось доступно только резюме статьи на русском языке.

<sup>14</sup> В. Сафроновас подчёркивает, что живучесть символов «советского патриотизма» в Калининграде связана с тем, что там не возникла альтернативная стратегия использования символов русского национализма. Это замечание справедливо, возможно, для 1990-х гг., но в 2000-е, очевидно, ситуация начала резко меняться. Хотя эта тема выходит за рамки настоящей статьи, важно отметить, что в 1970-е – 1980-е гг. основания для постперестроечного ренессанса русских национальных символов складывались в Калининграде вокруг темы славы русского оружия.

<sup>15</sup> ДРИГО, С. На вражеской земле. *Калининградский комсомолец* (далее КК), 16.1.1970.

ва), в 1980-е гг. – областной краеведческий музей (Штадтхалле). Восстановление объектов довоенной постройки происходило в условиях сложной борьбы внутри государственного и партийного руководства<sup>16</sup>. Характерный пример представляет церковь памяти королевы Луизы. Архитектор Юрий Ваганов вспоминал о том, какими хитростями директору «Калининградгражданпроекта» Игорю Грабову удалось добиться от руководства решения о восстановлении здания вместо запланированного сноса: путём троекратного занижения сметы на реконструкцию против бюджета новостроя<sup>17</sup>. Архитекторы, чей вкус формировался на возвышенных образцах отечественного и европейского зодчества, объективно становились первой профессиональной группой, готовой к творческому освоению немецкого культурного наследия.

Вторая группа включала университетскую интеллигенцию. В 1974 г. было открыто отделение истории Историко-филологического факультета, с 1979 г. оно было преобразовано в Исторический факультет. Однако особо жёсткий идеологический контроль над исторической специальностью не позволял развернуть под эгидой университета полноценное изучение истории региона<sup>18</sup>. Немногие дипломные работы студентов-историков по местной проблематике были посвящены послевоенному периоду. Первоначально это были традиционные для советской историографии работы на экономические темы (первые из них – «Образование и первые годы деятельности Западного речного пароходства (1956–1965)» и «История целлюлозно-бумажной промышленности Калининградской области (1945–1950)»)<sup>19</sup>. С 1982 г. появляются темы по истории Восточно-Прусской операции и древнейшей истории<sup>20</sup>. Однако вплоть до 1990 г. ни одной работы, в которой исследовался бы немецкий период истории Восточной Пруссии, не было (из 82 работ по истории края, представленных к защите в 1979–1990 гг., пять было посвящено древнейшей истории края на основе археологических данных, а одна называлась «Прусский транспортный путь «Искры» и Кенигсбергский процесс», 1990 г.)<sup>21</sup>.

Неофициальный запрет на обращение к восточно-прусской тематике сохранялся не только на уровне работ студентов, эта тема была табуирована и для их преподавателей, и для прочих исследователей. Границы дискурса о прошлом были сформулированы в предисловии к сборнику «Самая западная» (1980 г.): «Более трёх десятилетий прошло с тех пор, как на самых западных рубежах нашей социалистической Родины была образована Калининградская область. Усилиями советских людей, под руководством Коммунистической партии, при огромной помощи всей страны здесь, на возрождённой, поднятой из руин и пепла земле, был создан один из важнейших экономических районов Советского Союза с современной промышленностью, интенсивным сельским хозяйством, развитой культурой»<sup>22</sup>.

<sup>16</sup> Об обстоятельствах реконструкции см. воспоминания председателя горисполкома тех лет: ДЕНИСОВ, В. Пережитое. In ДЕНИСОВ, В. *Калининград – судьба моя*. Калининград, 2001, с. 352–357.

<sup>17</sup> См.: PODEHL, M. H. *Architektur Kaliningrad. 1917–1991. Wie aus Königsberg Kaliningrad wurde*. Diss. ETH Zürich, 2010, S. 454.

<sup>18</sup> О становлении краеведческих исследований в 1970-е гг. см.: МАТТЕС, Э. Op. cit., с. 113–122.

<sup>19</sup> Тематика дипломных работ по истории Балтийского региона, защищённых на историческом факультете КГУ. In *Балтийские исследования*. Вып. 1. Калининград, 2002, с. 90.

<sup>20</sup> Названия поначалу носили несколько парадоксальный характер: например, «Керамика городищ Калининградской области I – начала II тыс. н.э.».

<sup>21</sup> Тематика дипломных работ..., с. 93. Ситуация не претерпела радикальных изменений с началом Перестройки. Только с открытием новой Кафедры истории Балтийского региона в 1992 г. начинается изучение прошлого Восточной Пруссии, зафиксированное в тематике дипломных сочинений специалистов.

<sup>22</sup> Самая западная... Вып. 1, с. 5.

Напоминая об обстоятельствах образования области «в результате исторической победы Советского Союза над фашистской Германией», авторы предисловия вступали в заочную полемику с противником: ««Русским понадобятся столетия, чтобы возродить к жизни этот край», – полагали тогда на Западе. Жизнь опрокинула утверждения горе-пророков»<sup>23</sup>. Эксплицитная апелляция к современным оппонентам, окопавшимся в капстранах, несомненно, скрывала имплицитную полемику с собственным прошлым. На это указывала произвольная рифмовка между штампом, содержащимся в названии сборника, и воображаемым местом пребывания оппонентов. Двусмысленность понятия «возрождение» усиливала ощущение того, что полемика велась с интериоризованным Другим, то есть с «внутренним врагом», с самим собой.

Однако обращение к истории Восточной Пруссии в университете осуществлялось полуподпольно – силами других специалистов. Сама причастность к университету обуславливала повышенный интерес к прошлому прославленной Альбертины. Этот интерес объединял «физиков» и «лириков». С 1970 г. на физико-математическом факультете Калининградского государственного университета (КГУ) работал Казимир Лавринович (1941–2002). Он долгие годы собирал материалы по истории края и подготовил первую в России научную биографию Фридриха Вильгельма Бесселя, в которой наряду с биографическим материалом содержался краткий очерк истории Кёнигсберга (проиллюстрированный изображением старого города) и университета<sup>24</sup>. По воспоминаниям К. Лавриновича, в середине 1970-х гг. на физмате была организована «первая скромная выставка» о Кёнигсбергских математиках, материалы для которой предоставил потомственный князь и доцент Кафедры математического анализа Алексей Хованский (1916–1996)<sup>25</sup>.

Ещё одним фронтом, на котором разворачивались бои местного значения вокруг исторического наследия, оказался Естественный факультет КГУ: краеведческая тематика находилась на пересечении истории и географии. В конце 1960-х гг. сложился круг специалистов, которые занимались ландшафтоведением. Интерес к истории формирования ландшафтов Калининграда и области в целом неизбежно вёл учёных к исследованию немецкого контекста. В 1970 г. этот интерес оказался в фокусе внимания компетентных органов: Валерия Ваулина и Инесса Козлович представили статью к публикации в сборнике трудов «Вопросы географии», приуроченном к 100-летию со дня рождения Владимира Ленина<sup>26</sup>. Порядок требовал согласования рукописи в Обллите (Управлении по охране государственных тайн в печати облисполкома). Бдительный цензор по согласованию с ответственным лицом в обкоме партии вернул сборник университету «для переработки и исправления». Констатировалось, что «в некоторых статьях положительно характеризовалась деятельность немцев при строительстве Кенигсберга и умалчивалась или искажалась грандиозная роль советских людей по восстановлению и развитию города Калининграда и других городов области»<sup>27</sup>. Благодаря тексту справки, направленной в обком в феврале 1972 г., можно восстановить исходный авторский текст и понять характер претензий, высказанных цензорами (случай заслуживает пространного цитирования).

<sup>23</sup> Ibid., с. 7.

<sup>24</sup> ЛАВРИНОВИЧ, К. *Фридрих Вильгельм Бессель*. Москва, 1989, с. 43–105.

<sup>25</sup> ЛАВРИНОВИЧ, К. В память об Алексее Николаевиче Хованском. In *Князь Алексей Николаевич Хованский*. Воспоминания. Сост. Т. КОКАРЕВА. Москва, [s. a.], с. 8–9.

<sup>26</sup> ВАУЛИНА, В.; КОЗЛОВИЧ, И. К ландшафтной характеристике города Калининграда. In *Вопросы географии*. Калининград, 1970, с. 120–142. Сборник подписан к печати 19 июня 1970 г.

<sup>27</sup> *Государственный Архив Калининградской Области (ГАКО)*, ф. 232, оп. 6, д. 45, л. 26.

«В статье Ваулиной В. Д. и Козлович В. И. (*sic!*) «К ландшафтной характеристике города Калининграда» подробно описывалась история Кёнигсберга и искажалась действительность о новом городе – Калининграде. Вот что писали авторы о Кёнигсберге: «К началу XX века город сложился в своих современных территориальных границах. С экономической точки зрения он сформировался как крупный торговый порт Балтики, центр целлюлозно-бумажной, пищевой и судостроительной промышленности». А вот что представляет, по мнению авторов, современный Калининград: «Город имеет радиально-кольцевую планировку. Его характерной особенностью является беспорядочное размещение промышленных предприятий, отсутствие функционального зонирования, неравномерная плотность застройки и озеленения, наличие «свободных земель» в центре (следы военных разрушений)». И далее: «На возникших после второй мировой войны пустырях доминирует рудеральная растительность, сложная по видовому составу и, по-видимому, сходная с той, что описана Р. Вебером для подобных же территорий в ФРГ» (Вебер – географ ФРГ)<sup>28</sup>.

Стоит ли объяснять, что авторы статьи были вынуждены прислушаться к голосу цензуры: подробно изложив обстоятельства формирования рельефа города в дочетвертичный и ледниковый периоды, они прибегали к эвфемизмам для характеристики немецкого периода (курсив везде мой). «Последний (современный) этап формирования рельефа города начался с момента поселения человека на территории города. За счёт его хозяйственной деятельности рельеф претерпел значительные изменения. [...] Сильно изменён рельеф в районе *старого центра* (близ Нижнего пруда, у здания «Облсовпрофа»). [...] С запада в пруд впадает река Голубая. Она представляет собой канал, созданный в XVII веке для водоснабжения города»<sup>29</sup>. В статье не упоминалось название Кёнигсберга, удалены все ссылки на иностранные издания<sup>30</sup>, скрыты факты наличия рудеральной растительности. Подчёркивалось, что существенным фактором, определяющим особенности городских ландшафтов, выступает история формирования города: «Пожары и войны, эпохи бурного расцвета и упадка оставляют неизгладимый след в рельефе и архитектуре»<sup>31</sup>. Большого о старом городе, на руинах которого возник Калининград, авторам статьи сказать не позволили. Впрочем, «грандиозная роль советских людей» тоже не получила должного освещения в окончательном тексте статьи.

Особую область знания о Восточной Пруссии составляла история кантовской философии. В апреле 1974 г. в Калининградском госуниверситете прошла конференция, посвящённая творчеству И. Канта. В ней участвовали ведущие советские философы из Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси и других городов СССР; было принято решение о проведении межвузовских Кантовских чтений каждые три года. Участники конференции также познакомились с городом, возложили цветы к могиле философа. В университете был открыт кабинет-музей Иммануила Канта<sup>32</sup>. Результаты конференции получили своё отражение в книге, выпущенной двумя годами позже в Ленинграде: авторы очерка о И. Канте подробно описывали кабинет-музей, открытый в университете – портреты Гердера, Гельмгольца, Бесселя,

<sup>28</sup> ГАКО, ф. 232, оп. 6, д. 45, л. 57.

<sup>29</sup> ВАУЛИНА, В.; КОЗЛОВИЧ, И. *Op. cit.*, с. 127, 131.

<sup>30</sup> Между тем, цензура пропустила в других статьях ссылки на немецкие статьи и книги, в том числе изданные в Кёнигсберге. См. статьи П. Кучерявого и Б. Балаяна (с. 71 и 80), Г. Кученёвой и А. Звиргздса (с. 162). Возможно, часть ссылок на литературу по истории Кёнигсберга принадлежала коллегам калининградских географов из прибалтийских государств.

<sup>31</sup> *Ibid.*, с. 136.

<sup>32</sup> *Летопись Калининградской области*. Т. 1: 1945–1976. Науч. ред. В. МАСЛОВ. Калининград, 2005, с. 460.

Гамана и других учёных, книги советских кантоведов, другие экспонаты<sup>33</sup>. Сам очерк начинался словами, задававшими совершенно новый стиль разговора о Кёнигсберге: «22 апреля 1724 года в одном из небольших домов Кенигсберга, скрытых в зелени и цветах весенних садов, в семье шорника Иоганна Канта родился четвёртый по счёту ребёнок»; и далее: «К середине XVIII столетия Кенигсберг сравнялся с такими центрами культуры, как Лейпциг, Дрезден, Гамбург»<sup>34</sup>. Небольшая книга (94 стр.) содержала иллюстрации: здание Кёнигсбергского университета, последний дом Канта на фоне городской застройки, могила Канта в Калининграде. Несмотря на то, что аудитория этой книги, очевидно, была ограниченной, сама возможность разговора о «хорошем Кёнигсберге» уже обозначала серьёзные трещины в официальном дискурсе.

Несмотря на то, что Обллит систематически фиксировал в 1970–1975 гг. те или иные нарушения требований к публикациям, они крайне редко касались «вопросов политико-идеологического характера»<sup>35</sup>. В декабре 1970 г. цензура сняла фотографию из вёрстки альбома «Калининград», подготовленного книжным издательством: там было изображено «сохранившееся типичное немецкое здание в готическом стиле»<sup>36</sup>. Других случаев в документах не зафиксировано. Большая часть претензий к районным и областным газетам была связана с публикацией разного рода секретных сведений: от численности кожных грибковых заболеваний и количества несовершеннолетних правонарушителей до мест дислокации воинских частей и числа призывников. Похоже, в целом цензурный контроль позволил в первой половине 1970-х гг. организовать издательский процесс таким образом, чтобы сократить появление нежелательных тем и образов на страницах региональной прессы, в фотоальбомах и произведениях литературы. Однако тотального исчезновения «прусского духа» добиться не удалось.

Советская система, основанная на жёсткой централизации, предполагала, что задачи по идеологическому воспитанию населения должны решаться на всех уровнях государственного управления. Помимо университета и средств массовой информации публичную коммеморацию обеспечивали музеи (всех уровней), библиотеки, пионерские и комсомольские организации. Региональные музеи были представлены в первую очередь историко-художественным (первоначально краеведческим) музеем, который в 1970–1990 гг. располагался в здании довоенной постройки в Калининграде на ул. Горького. Его экспозиция представляла преимущественно материалы по истории Восточно-Прусской операции и Калининградской области – немецкому периоду практически не уделялось внимания. Архитектор Вадим Еремеев в 2006 г. вспоминал, что в экспозиции вся история города сводилась к небольшому стенду, посвящённому И. Канту<sup>37</sup>. В газетном репортаже об открытии музея упоминалось, что экспозиция даёт «общую характеристику древнейшего населения Земландского полуо-

<sup>33</sup> См.: ГРИНИШИН, Д.; МИХАЙЛОВ, М.; ПРОКОПЬЕВ, В. *Иммануил Кант. Краткий очерк жизни и научной деятельности*. Ленинград, 1976, с. 5.

<sup>34</sup> *Ibid.*, с. 16, 31.

<sup>35</sup> ГАКО, ф. 232, оп. 6, д. 45, л. 26. В фондах ГАКО, к сожалению, нет отчётов и иных содержательных документов о деятельности Обллита за 1976–1991 гг., хотя штатные расписания за указанный период в фонде 232 наличествуют. Судьбу отчётов пока установить не удалось.

<sup>36</sup> ГАКО, ф. 232, оп. 6, д. 46, л. 6. Стоит ли говорить о том, что описанное здание построено в конце 1920-х гг. и, конечно, совсем не было готическим? В других советских публикациях этот стиль определялся как «ампир» (ДМИТРИЕВ, В. Дело о янтарной комнате. Калининград, 1960, с. 57).

<sup>37</sup> PODEHL, M. Op. cit., S. 420.



строва» и дальше – рабочего движения в крае, пути «Искры», освобождения от фашистов, советского периода<sup>38</sup>.

К началу семидесятых годов в структуру музея входили также два филиала, экспозиция которых была посвящена событиям Восточно-Прусской операции 1945 г. («Блиндаж» с 1967 г. и «Командный пункт 43-й армии» с 1968 г.). В 1979 г. было открыто ещё два филиала с более разнообразной тематикой: Музей янтаря в областном центре и Литературно-мемориальный музей Кристийонаса Донелайтиса в поселке Чистые Пруды Нестеровского района<sup>39</sup>. Открытие последнего обозначило новую тональность официального дискурса о немецком прошлом: Восточная Пруссия представляла теперь как область героического сопротивления литовского народа германизации. Фигура К. Донелайтиса выделяется на общем фоне: «В эти тяжёлые для западных литовцев годы онемечивания и колонизации края он читал крестьянам проповеди на родном литовском языке»<sup>40</sup>. Образ «страстного борца с немецкой колонизацией» оказался настолько востребованным, что местный поэт даже опубликовал фрагменты своей поэмы, посвящённой К. Донелайтису, в которой в публичный дискурс впервые вводилось понятие «Малой Литвы». Поэту приписана такая прямая речь: «Малая эта Литва, будто кровью написана книга, будет испытывать жажду, видно, не раз и не два. Древний Перкунас, пошли освобожденье от ига! Зазеленеет, как рута, малая эта Литва»<sup>41</sup>. Немногие калининградцы могли тогда понять этот призыв иносказательно, но характерно, что цензура пропустила подобный двусмысленный текст.

В районных центрах долгое время не складывались предпосылки для формирования музеев: исключением стал Народный музей истории Правдинского района (общественный в 1985–1991 г., позже – муниципальный)<sup>42</sup>. Более значимым каналом трансляции официального дискурса была сеть школ, в которых осуществлялось преподавание истории и сохранение истории о боевой и трудовой славе народа в рамках работы школьных музеев и аффилированных с ними пионерских и комсомольских организаций.

В 1970-х – первой половине 1980-х гг. школьные музеи в Калининградской области переживали бурный рост<sup>43</sup>. Нередко экспозиции музеев были посвящены конкретным военным подразделениям, участвовавшим в Восточно-Прусской операции. Инициаторами создания школьных музеев выступали ветераны войны, пионервожатые или учителя истории. Активисты школьных музеев участвовали в переписке с родственниками ветеранов, архивами, музеями и библиотеками, в организации экспозиций, классных часов, школьных линеек. Они проводили экскурсии по городу или посёлку, ухаживали за братскими могилами или индивидуальными захоронениями. Объектами коммеморации становились и конкретные люди, и такое специфическое *место памяти*, как боевая и трудовая слава советского народа. Боевая слава была связана с Великой Отечественной войной, трудовая – с успехами советской промышленности и сельского хозяйства. Особую статью гордости для калининградцев представляли достижения СССР в сфере освоения космоса (в 1971–1984 гг. три школьных музея было посвящено землякам-космонавтам). До Перестройки в Калининградской обла-

<sup>38</sup> ИВАНОВА, Г. Приглашает краеведческий. *КК*, 14.9.1973.

<sup>39</sup> *Музеи Калининградской области: справочник*. Отв. ред. В. СТРЮК. Калининград, 2005, с. 20–23.

<sup>40</sup> СИМКИН, С. Сердце, отданное народу. *КК*, 29.7.1979.

<sup>41</sup> СИМКИН, С. Кристионас Донелайтис. *КК*, 7.10.1979.

<sup>42</sup> Идея музея зародилась в 1980 г. См.: *Музеи Калининградской области...*, с. 37.

<sup>43</sup> Сведения о школьных музеях см.: *От прошлого к будущему: справочник для тех, кто занимается историко-краеведческой работой с детьми и молодёжью*. Сост. И. ДЕМЕНТЬЕВ. Калининград, 2004, с. 74–140; *Музеи Калининградской области...*, с. 66–91.

сти действовало 104 музея боевой славы<sup>44</sup>. Несмотря на известную идеологическую нагрузку, они выполняли важные функции: ученики получали опыт работы с оригинальными материалами, приобщались к прошлому через подлинные экспонаты и контакт с очевидцами исторических событий. Изучая детали Восточно-Прусской операции, школьники овладевали немецкой топонимикой и тем самым совершали свои первые шаги в символическом присвоении бывшего немецкого пространства.

Кроме того, именно в практике школьных музеев оказались возможными расширение тематики исследований и выход за рамки периода, стартовавшего в «год Зеро» (1945 г.). Методический опыт учителя истории школы № 3 Советска Василия Бирковского обобщён в ряде публикаций<sup>45</sup>. Прежде всего, конечно, изучались обстоятельства штурма Тильзита, однако, как пишет В. Бирковский, «сначала мы изучали военно-исторические события, характерные для нашей области: завоевание немецкими рыцарями территории Прибалтики, населённой славянами и литовцами [...]; победа польских, русских, литовских и чешских воинов в Грюнвальдской битве; разгром прусской армии у Гросс-Егерсдорфа (ныне – совхоз «Междуречье» Черняховского района) и занятие русскими Тильзита, Кёнигсберга и других восточно-прусских городов во время Семилетней войны; сражения с армией Наполеона у Фридрихсфелда (г. Правдинск) и Прейсиш-Эйлау (г. Багратионовск); Тильзитский мир; вступление в 1813 г. русских воинов, преследовавших жалкие остатки наполеоновской армии, в Тильзит и другие города Восточной Пруссии; занятие русскими войсками Тильзита и Гумбиннена (г. Гусев) в августе 1914 г. и разгром армий генералов Самсонова и Ренненкампа; использование германским империализмом Восточной Пруссии как плацдарма и главной базы немецких войск, оккупировавших в 1918–1919 гг. Прибалтику и свергнувших Советскую власть в Латвии и Литве»<sup>46</sup>. Таким образом, границы дискурса об истории всё же постепенно расширялись за счёт тематики славы русского оружия, с одной стороны, и немецкой культуры, монополию на которую нельзя было уступать нацистам, с другой. В одном из газетных материалов приводятся цитаты из дневника похода курсантов КВАТУ (военного авиационно-технического училища) по маршруту ленинской газеты «Искра»: «Наш народ помнит о великих немцах, которыми гордится всё человечество. Одна из лучших улиц в Калининграде носит имя Тельмана. Есть улица Рихарда Вагнера, улицы Карла Либкнехта и Карла Маркса. Есть бронзовый памятник Фридриху Шиллеру на Театральной площади»<sup>47</sup>.

Основной недостаток системы историко-краеведческого воспитания состоял в том, что образ истории земли ограничивался идеологически безупречными темами по истории войны или послевоенного восстановления хозяйства. Всякое обращение к довоенной пробле-

<sup>44</sup> См. об этом подробнее: ДЕМЕНТЬЕВ, И. Краеведение и гражданское общество: случай Калининграда. In *От прошлого к будущему...*, с. 11.

<sup>45</sup> БИРКОВСКИЙ, В. Создание и организация школьного музея боевой славы. In *Внеклассная работа по истории (краеведение): пособие для учителей*. Москва, 1975, с. 91–99; БИРКОВСКИЙ, В. *Растить патриотов: вопросы методики военно-патриотического воспитания учащихся*. Калининград, 1974; см. также повторную публикацию этих материалов: БИРКОВСКИЙ, В. Из методического опыта историко-краеведческой работы с учащимися. In *От прошлого к будущему...*, с. 54–73. См. также: ВАЛЕНТИНОВ, Д. У юных искателей. КК, 30.1.1970.

<sup>46</sup> БИРКОВСКИЙ, В. Из методического опыта..., с. 64.

<sup>47</sup> ИСТРАТОВ, Н.; ШУСТЕР, И. По маршрутам ленинской «Искры». КК, 15 ноября 1970 г. Текст, впрочем, представляет собой дословное заимствование из книги, вышедшей годом ранее в центральном издательстве «Мысль»: МЕТЕЛЬСКИЙ, Г. *Янтарный берег*. Москва, 1969, с. 95. Источник заимствования в газетной публикации опущен.

матике было затруднительным и в силу господства советского дискурса, и в силу кадровой специфики организаторов музейной и поисковой работы. Редкие примеры включения в музейные экспозиции немецкого материала свидетельствуют о том, что подобная идеологическая неразборчивость моментально вызывала соответствующую реакцию: в 1981 г. в Ульяновской школе Неманского района учителем Юрием Узерцовым был основан музей, в котором наряду с материалами по истории школы и села содержались экспонаты по истории немецкого посёлка Краупишкена. За это руководителя музея неоднократно упрекали в пропаганде «немецчины»<sup>48</sup>.

Однако тщательный анализ публикаций в периодике 1970-х – первой половины 1980-х гг. показывает, что определённая эволюция оценок происходила даже в рамках официального дискурса, который утрачивал свою монотонность. Первоначально область бытования немецкой топонимики в советском дискурсе была строго ограничена проблематикой войны. О Восточной Пруссии не следовало упоминать в других контекстах, особенно в связи с новым Калининградом. Нарушение этого правила приводило к очевидным нелепостям: «Красивый, уютный город. Это – Черняховск. Четверть века назад он именовался иначе – Инстербург. [...] Он нов и молод, мой город»<sup>49</sup>. В нарративе о трудовом подвиге советского народа нельзя было ни упоминать, ни изображать объекты немецкого наследия. В качестве эвфемизма вместо выражения «немецкое здание» допускалось «старое здание»<sup>50</sup>. Редкие изображения объектов довоенной постройки всё же проникали на страницы печати в семидесятых годах: графический силуэт церкви Луизы угадывался в одной газетной иллюстрации<sup>51</sup>, фото двух башен в Светлогорске иллюстрировало материал о достоинствах курорта<sup>52</sup>. Но, конечно, подобные изображения составляли исключения из общего правила.

В 1970 г. в комсомольской многотиражке было опубликовано письмо студентки Московского государственного университета с непривычным для того времени романтическим названием «Единственный титул благородства». Текст, похоже, выражал чувства нового поколения, постепенно освобождающегося от чёрно-белого восприятия немецкого прошлого. Трудно сказать, как много единомышленников было у студентки, но в дальнейших номерах газета к этой теме не обращалась: глас в пустыне не вызвал ни отповедей, ни горячей поддержки.

«Если пройти по Калининграду, можно увидеть дома, построенные давным-давно, несколько столетий назад, а рядом – современные жилые кварталы, выросшие на руинах, определяющие калининградское сегодня, – письмо А. Самсоновой начинается с определения контраста между старым и новым. – И всегда бывает приятно узнать, что дом, в котором живёшь, чем-то примечателен: или он самый высокий в городе, или про него говорят, что это

<sup>48</sup> См. о музее: *От прошлого к будущему...*, с. 132.

<sup>49</sup> КАЦИКА, А. «...Выйдя в города». *КК*, 18.2.1970.

<sup>50</sup> Это определение было универсальным: «Над старой башней висит огромная, оранжевая как апельсин, луна» (18-летняя жительница Светлогорска о выпускном бале: *КК*, 19.7.1970); «старое культовое здание постройки второй половины XIX века» (об органном зале: *КК*, 21.12.1980, с. 3.); «начались работы и по реконструкции старого здания в парке им. Калинина под кукольный театр» (*КК*, 21.4.1971). К церкви памяти королевы Луизы прилагались и другие эвфемизмы: «здание оригинальное» (*КК*, 21.11.1971).

<sup>51</sup> *КК*, 6.2.1977. Также см.: *Калининградская правда*, 5.3.1980.

<sup>52</sup> *КК*, 5.3.1979. Качество газетных иллюстраций в 1970-е гг. было невысоким, однако можно разглядеть очертания немецких зданий на фотографии Площади Победы в Калининграде (*КК*, 1.5.1970). В прессе встречались также фотографии форта № 4 (*КК*, 27.3.1970), органного зала (*Калининградская правда*, 4.1.1980), Бранденбургских ворот (*Калининградская правда*, 5.3.1980) и немногие другие.

дом с зелёными балконами, или его фасад украшает аппликация мозаики»<sup>53</sup>. Когда в городе появляются «однотипные серые коробки домов, становится страшно за душу человека, в которую тоже незаметно просачивается серость». Предложения, выдвинутые автором письма в газету, звучали революционно в год столетия со дня рождения вождя русской революции: «Много в Калининграде старых зданий, которые можно разумно использовать. Это и кирха в парке культуры имени Калинина, её собираются переоборудовать под детский кукольный театр, и здание теперешнего склада «Ростекстильторга», его можно превратить, вероятно, во Дворец спорта».

Через полгода в материале журналистки Р. Минаковой осторожно пересказываются отзывы гостей Калининграда: восхищение зелёным нарядом «и всегда об архитектуре – серовато, мрачно, безлико. «Что у вас, архитекторов, что ли, нет?»<sup>54</sup>. Несмотря на все усилия цензуры, простые слова, выражавшие обычные чувства людей, которым хочется жить в красивом городе, незаметно прорывались в публичное пространство.

Ещё более широкие границы возможного демонстрировало освоение немецкого наследия в художественной форме. В 1970 г. в драматическом театре вновь был поставлен спектакль «Вилла Эдит» (авторы пьесы М. Баринов, З. Корогодский, режиссёр Г. Оффенгейм), снискавший успех в конце 1950-х<sup>55</sup>. Отмечалось, что новая аудитория спектакля – это молодёжь, уже коренные калининградцы. Постановка вызывала неоднозначные оценки, «некоторый скептицизм тех, кто сам завоёвывал и поднимал город из руин: к чему дразнить воображение «Виллой Эдит», таинственными катакомбами, янтарным комнатой и проч., когда в жизни города найдётся немало других не менее ярких страниц?» Такая реакция была объяснима: на сцене театра в Калининграде появились люди в немецкой форме («показать подлинного врага – это уже само по себе много»), сам сюжет не мог не вызывать двойственные чувства у жителей закрытого города: в Калининграде появились немецкие шпионы, разыскивающие планы коммуникаций Кёнигсберга. Иначе понимался уже и «коренными калининградцами» гуманистический посыл пьесы: немцы оказались людьми, со страхами и надеждами. Ещё ярче гуманистическое содержание проявилось в литературе.

Достаточно привести примеры из творчества двух совершенно разных писателей – Петра Воробьёва (1900–1975) и Юрия Иванова (1928–1994). Первый опубликовал в 1971 г. повесть «Околomorье моё», посвящённую первым калининградским переселенцам<sup>56</sup>. Участник гражданской войны, писатель связал две личных истории: солдат царской армии Тарас Русимов (корень «Рус» в фамилии персонажа, без сомнения, не случаен) побывал в германском плену в мрачной Восточной Пруссии и вскоре после возвращения домой умер; его внучка, механизатор Ирина Русимова, через тридцать лет отправилась по путёвке райкома комсомола в «Околomorье», вымышленный совхоз на территории бывшей Восточной Пруссии. Контраст был задан не только противоположно направленными векторами движения героев, но и различиями в описании «мрачной», испепелённой пожарами Пруссии и обновляющегося «цветущего края» Околomorья. При всём контрасте автор придаёт нарративу гуманистическое содержание, которое отчётливо уловил автор рецензии на повесть – писатель-фантаст Александр Колпаков. Одна из героинь, Агнесса Кирк, была батрачкой, потерявшей семью (муж погиб под бомбёжками, а сына расстреляли ээсовцы). «Совет-

<sup>53</sup> САМСОНОВА, А. Единственный титул благородства. *КК*, 26.6.1970.

<sup>54</sup> МИНАКОВА, Р. Пусть творчество приносит радость. *КК*, 15.11.1970.

<sup>55</sup> Здесь и далее цитируется рецензия: НЕРЛИН, Ю. Вчера и сегодня одной истории. *КК*, 17.5.1970.

<sup>56</sup> ВОРОБЬЁВ, П. *Околomorье моё*. Калининград, 1971.

ские люди обласкали и ободрили батрачку, помогли ей излечиться от острого радикулита, оформили документы для выезда на родину – в Данию. И бывшая немецкая батрачка проникается любовью и уважением к «этим страшным русским». Образ Агнессы как бы окутан мягким светом»<sup>57</sup>. В этом нарративе немецкое население ещё лишено субъектности: оно рисуется как объект или насилия со стороны внутренних и внешних врагов, или заботы со стороны «советских людей». Искомая субъектность будет придана немцам в творчестве писателя следующего поколения.

Писатель Юрий Иванов, в 1974–1988 гг. возглавлявший областную писательскую организацию, опубликовал в 1973 г. газетный вариант повести «В осаждённом городе»<sup>58</sup>. Обращение к военной тематике было обычным для калининградских писателей: в газетах публиковались остросюжетные повести с продолжением, особенно в юбилейный год<sup>59</sup>, популярностью пользовалась повесть Якова Зараховича «Сокровища Кардинала», события которой разворачиваются в Пальмникене (Янтарный) в конце войны: подпольная организация в лагере для военнопленных спасает детей, для перевоспитания которых фашисты устроили специальный лагерь<sup>60</sup>. В этот контекст вписывалась и повесть Ю. Иванова, которая, по всей видимости, отчасти носила автобиографический характер: в одном из писем американскому художнику Гансу Райтенбаху в 1990 г. писатель признавался: «Ах, как я ненавидел всех немцев, когда пришёл в пылающий Кёнигсберг! И как я полюбил немецкую девчужку, с которой познакомился в Кёнигсберге осенью сорок пятого года [...]. Вот так порой странно и сложно складываются человеческие судьбы. [...] Человек не может жить лишь одним чувством ненависти и мести»<sup>61</sup>.

Фабула повести незатейлива: советский разведчик – подросток, прекрасно владеющий немецким языком, – проникает в Кёнигсберг со спецзаданием незадолго до штурма. В повести упоминается много объектов довоенного Кёнигсберга и Инстербурга, в том числе улицы, кирхи, памятники. Калининградский читатель начала 1970-х должен был, по замыслу автора, разгадывать как ребус эти описания: герои повести разъезжали по городу на машине, как бы приглашая в виртуальное путешествие читателей. Авторское отношение к Кёнигсбергу проскальзывает в описаниях городской среды: «красивые, чистенькие особняки»; «деревья, высаженные вдоль дороги; разнообразной архитектуры дома, ухоженные садики с вечнозелёными посадками туи и магнолией». Цензурные ограничения, сыгравшие свою роль в статье о ландшафтах Калининграда, оказались менее актуальны для художественного текста. «Они стояли на маленькой, уютной, окружённой старыми каштанами площади. От неё, как щупальцы морской змеи, отходили пять улиц, а с краю возвышалось разрушенное здание кирхи. [...] Красивый, резной из дерева, алтарь; бронзовые подсвечники, укрепленные на стенах, и большой деревянный крест, к которому был прибит деревянный же Иисус Христос»<sup>62</sup>. Отно-

<sup>57</sup> КОЛПАКОВ, А. «Околomorphic моё». Рецензия. *КК*, 6.10.1971. Писатель-фантаст резюмирует в духе 1940-х гг.: «Произведений о древнем славянском Околomorphic, превращённом ныне в цветущий край, не так уж много в нашей литературе».

<sup>58</sup> ИВАНОВ, Ю. В осаждённом городе. *КК*, 1973, №№ 114–127, 129, 131–132, 135, 137, 139, 141–153.

<sup>59</sup> См. повесть о деятельности разведгрупп в Восточной Пруссии: КАПЛИН, Л. Одиссея «Максима». *КК*, 1970, №№ 75–84, 85, 86.

<sup>60</sup> Гуманистический месседж Я. Зараховича тоже был очевиден: в борьбе военнопленным помогает русская эмигрантка, чьё сочувствие детям преодолевает классовые симпатии.

<sup>61</sup> Письма калининградского писателя и руководителя отделения Российского фонда культуры Ю. Н. Иванова за 1988–1993 гг. In *Калининградские архивы: материалы и исследования*. Вып. 7. Калининград, 2007. Письмо Райтенбаху, уроженцу Восточной Пруссии, датировано 25 октября 1990 г., написано в Кёнигсберге (!).

<sup>62</sup> Эти мотивы также звучат в более поздней повести «Сокровища замка Лохштедт», опубликованной в газете «Калининградский комсомолец» в 1983 г. Разговор группы советских людей в Кёнигсберге вскоре после

шение к городу у главного героя противоречиво, оно претерпевает эволюцию: всё начинается с удовлетворённости видом горящих домов («во имя справедливости и возмездия пускай пылает этот дом»), размышляет разведчик, вспоминая трагедию Ленинграда). Однако постепенно он проникается сочувствием к раненой немецкой девушке, которую отвезли в госпиталь, временно размещившийся в церкви королевы Луизы. Затем он решает сказать командиру о том, что «возле церкви Луизы нет никаких военных сооружений, а в самой церкви – раненые»; после овладения городом герой спешит к девушке в церковь. «Подставив лицо встречному ветру и лоя губами снежинки, Валера нетерпеливо глядел, как среди голых вершин деревьев будто вырастает шпиль церкви, глядел на него, торопил машину и, забыв в этот момент обо всём на свете, жаждал лишь одного: увидеть Ингу, увидеть живой и невредимой».

Параллельно латентной реабилитации немецкого наследия в прозе происходило осторожное включение этой тематики в поэзию. Опубликованных стихов, в которых содержалась бы эстетизация объектов немецкого наследия, немного. Эти образы начинают звучать в стихах на военную тематику.

Мы идём по отвесной стене...  
 Слева – заросли леса, а справа – вода –  
 Ров Девятого форта,  
 Нас тропинка сюда привела  
 От июльского поворота,  
 От июльского приворота. [...]   
 У решётки рябинка растёт –  
 Притулилась у самой бойницы.  
 Ей – лет семь, а бойницам – семьсот...  
 Кто из них пораженья боится? (Борис Качалов<sup>63</sup>)

Рябинка у бойницы истолковывается как метафора нового Калининграда на руинах Кёнигсберга, воплощение мира на фоне войны; но это также образ, который можно удачно применить к характеристике развития темы немецкого культурного наследия, пробивавшейся сквозь военную риторику. Позже немецкие образы постепенно «осваиваются» советскими поэтами, становятся интегральной частью городского пейзажа, непременным атрибутом малой Родины. Поэт из Советска Анатолий Рагузин пишет в 1981 г.:

Здесь готических граций  
 Полнота неуёмна.  
 Мостовые, как панцирь  
 Черепахи огромной.  
 Я люблю этот город,  
 И в разлуке мне снится,  
 Как шагам моим вторит  
 Красных крыш черепица<sup>64</sup>.

окончания войны развивается так: «– Гляди-гляди, Катя, [...] какой особняк. Дворец!» – «А какая красивая церквушка» – «Я тут жил когда-то, учился в Кенигсбергском университете. Весь город облазил. Красивый был город. Жаль, так разрушен». – «Жаль? [...] А мне нисколько! Я из Ленинграда. Они отсюда шли на Ленинград. [...] И мы должны жалеть их, их города?» (КК, 16.1.1983).

<sup>63</sup> КАЧАЛОВ, Б. У девятого форта. КК, 12.4.1972.

<sup>64</sup> РАГУЗИН, А. Советск. КК, 30.8.1981.

Возможно, эмансипация субъекта поэтического творчества, ощущающего «готический» компонент городской среды как родное начало, разворачивалась сперва на периферии, в меньшей степени подвластной бдительному оку цензуры.

Трудно судить обо всех механизмах, которые формировали интерес к немецкому прошлому. Можно предположить, что первый импульс исходил из архитектурной и ландшафтной среды, пробуждавшей естественное любопытство. «Среда обитания, вне всякого сомнения, – полагал Юрий Иванов, – действует на творчество – и это совершенно нормально – местных художников, архитекторов, да и просто на жизнь нормальных людей»<sup>65</sup>. Любопытство порождало устойчивый интерес, он укреплялся визуализацией и затем перерастал в практические действия. Этот процесс в ряде случаев ускорился в силу «сладости запретного плода».

Одна из свидетельниц градостроительства 1970-х, Наталья Чепинога, описывает свои чувства следующим образом: «Когда я приехала в Калининград [в 1976 г. – *И. Д.*], у меня была группа людей, с которой я сдружилась, которые безумно полюбили Калининград. Мы находили старые книги по застройке Кёнигсберга, фотографии, на которых мы рассматривали каждое здание. Упивались тем, что было. Интересный декор и ансамбли, и потом Калининград какой-то странный. С одной стороны была в нём какая-то нежность, с другой – что-то чуждое. Всё смешивалось и было понятно, что старая культура и новая культура как бы столкнулись. Мы любили этот город и хотели его сделать как можно лучше»<sup>66</sup>. Бесспорно, подобные чувства испытали многие и до, и после 1970-х гг. Анатолий Бахтин вспоминает, что идея фотофиксации состояния немецких зданий (в первую очередь кирх) возникла у него после сноса остатков Лютер-кирхи в 1976 г.<sup>67</sup> Во второй половине 1970-х – 1980-х гг. ему удалось собрать основной массив фотографий, которые легли потом в основу знаменитой книги о кирхах в северной части бывшей Восточной Пруссии<sup>68</sup>.

К сожалению, пока не удаётся определить всё многообразие форм практических действий и их масштаб. Но помимо фотографирования или коллекционирования это были и действия иного рода. Сторонний наблюдатель безошибочно обнаруживал первые ростки протеста против дискурса власти. Побывавшая в Калининграде в конце 1970-х Рут Мария Вагнер описала свои впечатления от города, закрытого для иностранцев. Она обратила внимание на то, что на могиле И. Канта лежат цветы: «молодые калининградцы, большей частью студенты, приносят их почти ежедневно сюда»<sup>69</sup>. Коммеморация в форме постоянного и анонимного возложения цветов на могилу отражала и складывание особой культурной памяти, и ненасильственный характер протеста против официального дискурса.

### **«До каких же пор можно молчать?»: эволюция исторического сознания калининградцев в годы Перестройки**

Конец 1980-х гг. отмечен резким ростом интереса к истории Восточной Пруссии. «Тема «Кёнигсберга» стала в Калининграде конца 1980-х гг. вездесущей»<sup>70</sup>, – констатирует немецкий

<sup>65</sup> ИВАНОВ, Ю. «Мы многое можем»: интервью. *КК*, 16.1.1988, с. 8.

<sup>66</sup> Интервью 2006 г. PODEHL, M. *Op. cit.*, S. 472.

<sup>67</sup> Беседа с автором 25 мая 2012 г. См. также: МАТТЕС, Э. *Op. cit.*, с. 126.

<sup>68</sup> BAKHTIN, A.; DOLIESEN, G. *Vergessene Kultur. Kirchen in Nord-Ostpreussen: eine Dokumentation*. Husum, 1998.

<sup>69</sup> WAGNER, R. M. Königsberg heute. In *Königsberg in alten und neuen Reisebeschreibungen*. Ausgewählt von B. KLUGE. Düsseldorf, 1989, S. 217.

<sup>70</sup> PODEHL, M. *Op. cit.*, S. 376.

исследователь Маркус Подель. Художники начали изображать старый город, фотографы и коллекционеры получили возможность действовать легально, появились первые книги, призванные удовлетворить колоссальный спрос на информацию. Книжное издательство выпустило в 1990 г. книгу «А. Т. Болотов в Кенигсберге»<sup>71</sup>, открыв ею серию «По страницам истории края». Автор предисловия отмечал, что история края до 1945 г. «нам известна в довольно приблизительных чертах», затем полемизировал с основным тезисом советской историографии, задававшей жёсткие рамки для осмысления исторического прошлого: «Читателю, привыкшему считать Пруссию изначально постоянным рассадником агрессии и милитаризма, возможно, покажутся несколько странными страницы «Жизни и приключений Андрея Болотова...», свидетельствующие о том, что в XVIII веке здесь жили преимущественно мирные люди, не помышляющие о захвате чужих земель, а стремящиеся к добрососедству, труду, знаниям»<sup>72</sup>.

Начиная с 1986 г. тема исторического прошлого постепенно перемещается в фокус внимания профессиональных историков. В марте 1986 г. преподаватель кафедры всеобщей истории КГУ Виктор Суворов запланировал разработку спецкурса по истории Пруссии и Польши<sup>73</sup>. Принадлежа к ленинградской археологической школе, он сосредоточился на различных аспектах древнейшей истории края (в 1986–1988 гг. под его руководством проводилась археологическая практика на территории Калининградской области). Археология оказалась одним из легальных средств прорыва к довоенному прошлому региона.

Второй подход, который оказался весьма продуктивным, был связан с восстановлением памяти о процессе заселения Калининградской области после Второй мировой войны. Группа молодых историков под руководством доцента Кафедры всеобщей истории, специалиста по Сербии Юрия Костяшова решила изучать прошлое средствами малознакомой тогда в Советском Союзе *oral history*. На волне демократизации Ю. Костяшов стал председателем Калининградского отделения Ассоциации молодых историков и (с 1988 г.) Ассоциации устной истории на историческом факультете КГУ. С 1988 г. началась реализация проекта по изучению истории первых лет Калининградской области. Интервью с первыми переселенцами, которые взяли Ю. Костяшов и его коллеги (преподаватели, выпускники и студенты), легли в основу знаменитой книги с непростой судьбой<sup>74</sup>.

В практике средств массовой информации процесс реабилитации немецкого культурного наследия шёл ещё интенсивнее, чем в академических исследованиях. Стадия визуализации предполагала широкое распространение образов старого города. По мнению Юрия Забуги, официальный запрет на изображение немецких зданий в калининградской прессе существовал вплоть до 1988 г. (именно в этом году ему довелось, преодолевая сопротивление противников «чужого», защищать в Ленинграде дипломный проект по восстановлению Кафедрального собора и Кнайпхофа)<sup>75</sup>. Не исключено, что этот запрет всё же носил неофи-

<sup>71</sup> А. Т. Болотов в Кенигсберге. Предисл. В. АНТОНОВА, коммент. А. ГУБИНА и В. СТРОКИНА. Калининград, 1990. Книга была сдана в набор 3 октября 1989 г.

<sup>72</sup> АНТОНОВ, В. Андрей Болотов и его время. In А. Т. Болотов в Кенигсберге..., с. 6.

<sup>73</sup> ГАКО, ф. 235, оп. 3, д. 58, л. 33.

<sup>74</sup> Она была подготовлена в 1991 г., однако вышла только в 1999 г. на немецком языке, в 2000 г. – на польском, в 2002 г. наконец на русском языке в Санкт-Петербурге и лишь в 2003 г. в Калининграде. См.: *Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах*. Калининград, 2003. О драматичной судьбе книги см.: КОСТЯШОВ, Юрий. «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев»: история одной публикации. In *Вторые всероссийские краеведческие чтения (Москва, 26-27 мая 2008 г.)*. Четвертые всероссийские краеведческие чтения (Челябинск, 20-22 мая 2010 г.). Москва, 2011, с. 148–151.

<sup>75</sup> См. интервью 2006 г.: PODEHL, M. Op. cit., S. 475.



циальный характер; по крайней мере, в 1985 г. некоторые изображения немецких зданий уже были доступны для выборочной публикации. В богато иллюстрированной книге о памятниках Калининградской области наряду с традиционным набором советских монументов присутствовали и здания довоенной постройки: памятник 1856 г. в Прейсиш-Эйлау, памятник Ф. Шиллеру, музей янтаря, Бранденбургские ворота и т. д.<sup>76</sup>

Возможно, первая легальная публикация изображения Кёнигсбергского замка относится к сентябрю 1985 г., когда в «Калининградском комсомольце» был опубликован материал о выставке книжной графики молодого художника Владимира Коломийченко. Описывались пять гравюр – видовых открыток о Калининграде (четыре представляли довоенные здания органного зала, кукольного театра, университета и Дома культуры моряков, а одна – современное здание драмтеатра), а также рисунки, посвящённые И. Канту<sup>77</sup>. Один из них был воспроизведён в газете (см.: рис. 1) – знакомый профиль философа располагается на фоне обложек его книг, а фоном для книг в свою очередь выступает замок в его оригинальном виде (руины замка публиковались в некоторых послевоенных изданиях).



Рис. 1. Работа калининградского художника Владимира Коломийченко (Источник: *Калининградский комсомолец*, 1 сентября 1985 г., с. 3)

Перестройка создала условия для образования различных формальных и неформальных гражданских институтов, аккумулировавших высвободившуюся энергию социально активных калининградцев. К формальным (наряду с унаследованным от доперестроечного времени Калининградским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры) относилось Калининградское отделение Советского фонда культуры, созданное в ноябре 1987 г. Его председателем был избран известный калининградский писатель Ю. Иванов. В одном из писем (1988 г.) он описывал планы фонда: «восстановление Кафедрального собора, где похоронен И. Кант, создание в летнем домике [...] музея И. Канта, сооружение ему памятника. Войдя в долю с кооператорами, создаём в старинных, т. н. «Королевских воротах», кафе-музей замечательного сказочника и «ночного» фантаста Эрнста Теодора Амадея Гофмана, который жил в Кёнигсберге, и в Городской картинной галерее – открывали зал интересней-

<sup>76</sup> КОЛГАНОВА, Э.; СТРОКИН, В. *Страницы памяти*. Калининград, 1985.

<sup>77</sup> КИРИЛЛОВ, В. *Свой взгляд на мир*. КК, 1.9.1985.

шей художницы Кете Кольвиц»<sup>78</sup>. Фонд культуры также собирал средства на памятник маршалу А. Василевскому, планировал обустроить сквер А. Пушкина и музей Н. Коперника... Но главной программой фонда, как Ю. Иванов признавался в цитированном письме Г. Райтенбаху, была «немецкая»<sup>79</sup>. Очевидцы вспоминают невероятный энтузиазм в среде интеллигенции, которым были встречены планы нового фонда.

Выявить следы влияния неформальных групп, складывавшихся в годы Перестройки и стремившихся овладеть дискурсом об истории, не очень легко. Источниковая база пока не позволяет восстановить всю картину конкуренции дискурсов. Документы официальных органов снабжают исследователей только самыми общими сведениями. По данным обкома ВЛКСМ, на ноябрь 1988 г. неформальные (самодельные) объединения молодёжи насчитывали в общей сложности около 3 тыс. человек (из них около двух тысяч – в областном центре), сгруппированных по 19 направлениям<sup>80</sup>. Среди металлистов и рокеров выделялись культурно-экологическая ассоциация «Возрождение» (изучение и пропаганда истории), объединение молодых художников «Время и мы»<sup>81</sup>; неформальное объединение «Романтики» «по изучению истории Калининградской области», действовавшее при кабинете-музее И. Канта в университете. Группа состояла из школьников, учащихся политехнических училищ и студентов (всего около 15 человек). «Деятельность группы, – отмечалось в документе, – полностью находится под контролем». Музеем занималась хранительница – Ольга Крупина, чей энтузиазм сыграл заметную роль в усилении интереса к фигуре великого земляка<sup>82</sup>.

В атмосфере Перестройки типичной формой трансляции достижений неформальной творческой молодёжи стал самиздат. Характерной была обложка альманаха «Кафедральный собор», растиражированного в 1989 г. при помощи компьютера: на ней соседствовали два легко узнаваемых изображения – Дом Советов и руины Кафедрального собора. Помимо стихов и прозы альманах содержал «Краткую историческую справку по Восточной Пруссии» и сокращённый перевод материала немецкого археолога Вильгельма Гэрте под названием «Древняя история Восточной Пруссии». История края начиналась, по мнению редакции, в 60-м г., когда в Пруссии побывали римляне; завершалась хроника симптоматичным текстом, маркировавшим радикальный разрыв с советской практикой умолчаний: «Начало 1946 – весна 1948 гг. Выселение 40 000 человек немецкой национальности (по данным ФРГ только 25 тыс.) с территории города и области. К апрелю 1945 года на территории нынешней Калининградской области находилось 116 тысяч человек гражданского немецкого населения. Судьба 76 (91?) тысяч немцев неизвестна, очевидно значительная часть из них погибла от голода»<sup>83</sup>.

<sup>78</sup> Письма калининградского писателя..., с. 40.

<sup>79</sup> Ibid., с. 49. В письме Ю. Н. Иванов признавался: «Я люблю Кенигсберг. Мне неприятно название «Калининград». Я выступаю и борюсь за то, чтобы городу было возвращено его старое, историческое имя, но пока борьбе этой не видно конца» (Ibid., с. 50).

<sup>80</sup> Документ цитируется в публикации: РЖЕВСКИЙ, В. Калининградская Пруссия..., с. 113–120.

<sup>81</sup> См.: ШАРАПОВ, В. Как поддержать «неофициальных»? *КК*, 19.4.1987. По воспоминаниям входившего в него А.П. Бахтина, клуб художников возник в 1980 г. после московской Олимпиады, когда власти допустили формирование относительно независимых объединений.

<sup>82</sup> См.: ИВАНОВ, Ю. Сундук Канта. *КК*, 25.1.1987, с. 3.

<sup>83</sup> Краткая историческая справка по Восточной Пруссии. In *Кафедральный собор*. Вып. 1. Калининград, 1989. Страницы в издании не пронумерованы.

Неплохие возможности для *case study* эволюции альтернативного дискурса даёт самая влиятельная<sup>84</sup> неформальная группа – общество «Солидарность». Это общество возникло 16 августа 1988 г. с целью оказания «взаимопомощи самоопределяющихся групп и личностей»<sup>85</sup>; в него вошли представители разных социальных групп (рабочие, пенсионеры, учащаяся молодёжь). Формы деятельности были обычными для неформалов поздней Перестройки: организация митингов и пикетов, распространение информации (в том числе листовок), участие в выборах в областные и местные органы советской власти.

Публикации «Вестника «Солидарности»» подтверждают справедливость мнения Б. Хоппе: «Чувство, что Москва оставила Калининград один на один с проблемами, нашло своё отражение в идентификации новых жителей Калининграда с городом: оставшиеся с немецких времён строения рассматривались ими теперь как достойные быть сохранёнными приметы региональной особенности»<sup>86</sup>. Сравнение Калининградской области с Восточной Пруссией воспроизводило образ «потерянного рая»: «Сравните Калининградскую область и Восточную Пруссию. В городе живы ещё ветераны, которые помнят неразграбленную и неразрушенную прусскую деревню»<sup>87</sup>. Солидаристы опровергали стереотипы в восприятии Восточной Пруссии как «гнезда милитаризма»: «Ликвидация очага агрессии? Но, по-моему, в 1757 и 1914 годах не Пруссия напала на Россию, а Россия на Пруссию, а по единичному факту агрессии против России в 1941 году вряд ли можно сделать вывод о «преступности» этой территории. Ликвидация гнезда тоталитаризма? Пусть добрые калининградские бюргеры оглянутся по сторонам: в глазах рябит от обилия колючей проволоки, мундиров и прочей военной атрибутики. Ни одна казарма, построенная немцами, не пустует. Так что же изменилось?»<sup>88</sup>

В программе общества (1990 г.) вопросы культуры занимали скромное место по сравнению с требованиями в сферах политики, экономики, соцобеспечения и экологии. Однако понимание необходимости охраны наследия всё же было: «Государство обязано принять меры по охране культурного достояния народа: прекратить массовое уничтожение памятников истории и архитектуры, вернуть городам, улицам, площадям их исторические названия, обеспечить приемлемое качество реставрационных работ, обеспечить нормальные условия функционирования музеев и библиотек»<sup>89</sup>. Историко-культурная тематика не занимала основного места в солидаристском дискурсе. Однако следы противопоставления коммунистическому режиму путём подчёркивания контраста с немецким наследием обнаруживаются в публикациях газеты. Майский номер «Вестника «Солидарности»» 1990 г. открывался передовицей такого содержания: «Мы наблюдаем это изо дня в день. Изо дня в день умирает

<sup>84</sup> Степень влияния измеряется, конечно, не данными социологических опросов, которые, по всей видимости, не проводились. Официальные издания уделяли значительное внимание «Солидарности», разоблачая её лидеров, предвзято освещая деятельность общества (свыше десятка публикаций в «Калининградской правде», «Маяке», «Страже Балтики» и даже относительно либеральном «Калининградском комсомольце» в 1988–1990 гг.).

<sup>85</sup> Устав общества. Вестник «Солидарности» (далее ВС): информационный листок общества «Солидарность», 1988, № 1 (машинопись). До 20-го выпуска листок тиражировался с помощью пишущей машинки и копировальной бумаги, с выпуска 21 многотиражка печаталась на ротапринте в Литве.

<sup>86</sup> ХОППЕ, Берт. «Злой город» или часть собственной истории: об отношении к немецкой архитектуре в Калининграде после 1945 г. In *Кёнигсберг-Калининград: город, история*. Отв. ред. В. МАСЛОВ. Калининград, 2005, с. 85.

<sup>87</sup> СИБУЛКОНЕЦ, (?) С. Наше будущее в наших руках? ВС, сентябрь 1989 г., № 25.

<sup>88</sup> ПИТЕРСКИЙ, Л. Если недостаёт объективности. ВС, сентябрь 1989 г., № 24.

<sup>89</sup> Программа общества. ВС, август 1990 г., № 43.

наша культура, история, то, что даёт неповторимое своеобразие нашему краю. Рушатся или тихо приходят в негодность старые дома – готика, органная музыка архитектуры. Кромсаются и выкорчёвываются привезённые некогда со всего света деревья, и кто, и что, посадит взамен? Кто виноват? Вандалы от власти? Или наше молчаливое соучастие – достойное дополнение их тупости?»<sup>90</sup> Текст сопровождала иллюстрация – графический рисунок О. Попова под названием «Старый город» (изображён органнй зал)<sup>91</sup>.

Реакция властей на неформальные движения была настороженной. Первый секретарь Калининградского обкома КПСС Дмитрий Романин на собрании актива областной парторганизации в июле 1989 г. говорил о том, что «особого внимания партийных организаций требует к себе получившее широкое развитие самодеятельное движение. В нём заложен немалый созидательный потенциал»<sup>92</sup>. Среди тем, вокруг которых объединялись неформалы, выделено изучение и сохранение культурно-исторического наследия. Констатировалось также, что движения «пытаются спекулировать на реальных трудностях перестроечных процессов», и всё же необходимо налаживать диалог с неформалами.

Однако процесс присвоения символического пространства путями, альтернативными официальному дискурсу, шёл уже на уровне не только неформальных сообществ, но и в целых социальных группах: прежде всего интеллигенции и молодёжи («третье поколение»). Это хорошо прослеживается по материалам дискуссии, развернувшейся на страницах комсомольской многотиражки в 1988 г. Газета рассказала об инициативе молодых людей (студентов и рабочих), решивших в память о Н. Копернике «создать нечто вроде историко-культурной заповедной зоны» на одноимённой улице<sup>93</sup>. Молодые люди соединяли различные формы работы: проводили субботники, готовили исторические справки, пропагандировали среди местных жителей идеи сохранения и облагораживания памятного места. Окрещённые «неформалами», они попытались изменить городскую среду путём мобилизации добровольческого потенциала ради сохранения исторического наследия. Клуб, который они задумали организовать в старом доме на улице Н. Коперника, должен был называться «Звездочёт». Материал получил множество откликов, которые несколько месяцев печатались на страницах газеты под рубрикой «С пометкой *Звездочёт*». Авторами писем были рабочие, ветераны, преподаватели, библиотекари, студенты, фотографы – словом, тот самый *советский народ*, которому официальным дискурсом была отведена пассивная роль транслятора идеологически безупречного нарратива. Практически во всех письмах читателей инициатива «неформалов» получала поддержку. На фоне общего энтузиазма выделялись редкие критические отклики, в которых обращалось внимание на недопустимость перекося: в одном из писем читательница газеты сожалела о том, что в городе есть заброшенные могилы солдат Великой Отечественной войны. «Люди о немецких памятниках, кирхах, воротах помнят, борются за каждый камень, а о таких вот заброшенных обелисках на могилах наших солдат, погибших, между прочим, защищая от фашистов и ту же немецкую культуру, выходит, забыли? Что же происходит с нами, с памятью нашей?»<sup>94</sup> Времена, несомненно,

<sup>90</sup> <Мы наблюдаем это...>. ВС, май 1990 г., № 39.

<sup>91</sup> Другие иллюстрации из серии «Старый город» были опубликованы в других номерах вестника в 1989–1990 гг.: Бранденбургские, Росгартенские и Королевские ворота, бастион «Дер Дона», церковь памяти королевы Луизы.

<sup>92</sup> *Первые секретари. 1947–1991: документы и материалы о деятельности партийных руководителей Калининградской области и Калининграда в 1947–1991 гг.* Калининград, 2002, с. 109.

<sup>93</sup> ВАСИЛЬЕВ, С. Кто поможет «Звездочёту»? КК, 3.1.1988, с. 8.

<sup>94</sup> КК, 16.4.1988, с. 9.

изменились: немецкая культура оказалась признана достойной защиты не только со стороны советских солдат, но и самых обыкновенных советских людей, постепенно обретающих субъектность.

Ещё ярче эта субъектность дала о себе знать в другом письме, ставшем предметом обсуждения на страницах демонстрировавшей смелость комсомольской газеты. Фрагменты из «Открытого письма в метрополию», имевшего «хождение в городе» и принадлежавшего художнику Вадиму Храппе, были опубликованы в газете<sup>95</sup> и вызвали резонанс. Автор обращал внимание на то, что основные предметы гордости горожан – объекты немецкой культуры, которые не вписываются в «официальную историю», ведущую начало с 1946 г. Охарактеризовав официальный дискурс о прошлом, автор письма внезапно переходил к манифестации нового исторического субъекта, не предусмотренного этим дискурсом: «Но ведь есть мы! Мы – потомки переселенцев, родившиеся под черепичными крышами, делавшие первые шаги под готическими сводами, облазившие в детстве все окрестные подвалы ещё не разрушенных фортов и замков. Мы – хранящие как реликвии исчезнувшей цивилизации её посуду, довоенные фото романтических кварталов. [...] Нам доставалось за найденный в нашей парте чугунный герб Кёнигсберга, за нацарапанную на вагонном стекле трамвая готическую букву «К» с короной. Но ведь мы есть! И нашу память не ампутировать и не запретить».

Впервые публично было заявлено со всем присущим этому времени радикализмом, что культурная память калининградцев включает исторический опыт территории проживания наряду с опытом предков из разных регионов страны. Публикация сопровождалась превышающим манифест по объёму комментарием журналиста (разбирались фактические неточности в письме). ««Мы – народ» – это крик души, но души человека невежественного, человека, который не знает истории», – резюмировал комментатор. В газету пришло много откликов: наряду с ортодоксальными оценками («бред человека, страдающего манией величия») звучали и робкие голоса поддержки («до каких же пор можно молчать?», «историю нашего края мало кто знает»). Комментарий был понят некоторыми читателями как «длинный и бестолковый «образчик» публикаций времён застоя»<sup>96</sup>. Несмотря на то, что автору письма не дали возможности ответить своим оппонентам, общее настроение читателей, однако, было лишено монотонности. За три года до августа 1991-го стало понятно, что страна кардинально изменилась, а Калининградская область неожиданно для себя оказалась в авангарде этих перемен.

Перестройка, без сомнения, стала катализатором процесса переосмысления исторического опыта калининградцев. С. Бергер выделяет два повлиявших на это фактора. Он так же, как и Б. Хоппе, связывает враждебность коммунистическому режиму советских диссидентов с уважением к немецкому культурному наследию в Калининграде – эти чувства объединяли участников «Прусского клуба», возникшего в начале 1980-х гг. Кроме того, для молодого поколения, заявившего о себе в 1980-х, поиск воображаемого немецкого города был стратегией бегства от «повседневности скучного советского города»<sup>97</sup>. Вся совокупность проанализированных свидетельств показывает, что усиливавшийся политический протест,

<sup>95</sup> Мы – народ. *КК*, 23.4.1988, с. 4, 9. Выпуск газеты был экспериментальным, подготовленным читательской редколлекцией, но, очевидно, такая публикация не могла состояться без ведома главного редактора Г. Белоглазовой. Письмо было также опубликовано в 1989 г. в ФРГ (цитируется в книге: BRODERSEN, P. Op. cit., S. 241).

<sup>96</sup> С чего начинается Родина? *КК*, 9.7.1988, с. 6–7.

<sup>97</sup> BERGER, S. Op. cit., S. 24. По мнению Анатолия Бахтина, речь всё же идёт о краеведческом клубе, возникшем в конце 1980-х гг.

сопряжённый с повышающимися эстетическими запросами к городской среде, неизбежно фокусировался на проблематике двойственной культурной памяти жителей бывшей Восточной Пруссии. Однако трактовать этот процесс как результат усилий советского руководства по перестройке общества было бы чрезмерным упрощением, восходящим к субъект-объектной схеме взаимоотношений Власти и Народа. Несомненно, в течение 1970-х – первой половины 1980-х гг. появилось достаточно много людей, для которых органичным было уважение к историческому наследию. Эти люди разными путями пытались реализовать свой интерес в условиях господства слабеющей, но ещё влиятельной власти.

## Заключение

Несмотря на то, что обычно период 1970-х – 1980-х гг. в истории Калининградской области недооценивается современными исследователями, он сыграл важнейшую, если не ключевую, роль в формировании региональной идентичности калининградцев. Именно в это время официальному дискурсу об истории противопоставляются разнообразные альтернативные стратегии освоения историко-культурного наследия, публично заявляется необходимость переоценки довоенного прошлого. Эти стратегии разрабатываются первоначально в среде научной и творческой интеллигенции: официальный дискурс уже в позднесоветский период обнаружил свою несостоятельность в обеспечении тотального идеологического контроля над умами советских граждан.

Биографии людей, оказывавших сопротивление официальному дискурсу о прошлом в Калининградской области в 1970-е – 1980-е гг., ещё не написаны. Эта задача требует обновления исследовательской методологии, которое пока не произошло в полном смысле слова в России. Новая биографическая история, по замечанию Лорины Репиной, призвана «ответить на вопрос, каким образом и в какой степени унаследованные культурные традиции, обычаи, представления определяли поведение людей в специфических исторических обстоятельствах [...], и какую роль играли в этих границах индивидуальный выбор и инициатива»<sup>98</sup>. Далеко не самые благоприятные исторические обстоятельства брежневского времени во многом определяли поведение людей в закрытой области. Однако архитектурная и природная среда, своеобразная мифология, личностные особенности обусловили особый выбор разных людей. Они собирали довоенные фотографии, сочиняли стихи о черепичных крышах, ставили наивные вопросы в письмах в газеты, писали научные статьи о ландшафтах, пытались понять кантовскую философию – и тем самым фактически готовили Перестройку. Их поведенческие стратегии обеспечили синергетический эффект, благодаря которому в 1987–1990 гг. реализовался массовый интерес к довоенной истории Калининградской области. Поэтический образ хрупкой рябинки у бойницы старого форта хорошо отражает всю рискованность этих стратегий, всю парадоксальность и двойственность исторического опыта новых поколений калининградцев. История как отдельных людей, так и неформальных сообществ, оказавших сопротивление официальному дискурсу о прошлом, ещё ждёт своего исследователя.

<sup>98</sup> РЕПИНА, Л. *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.* Москва, 2011, с. 290.

**Список использованных исследований**

- Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах.* Калининград, 2003.
- ДЕМЕНТЬЕВ, Илья. Краеведение и гражданское общество: случай Калининграда. In *От прошлого к будущему: справочник для тех, кто занимается историко-краеведческой работой с детьми и молодежью.* Сост. И. ДЕМЕНТЬЕВ. Калининград, 2004, с. 7-26.
- ГАЛЬЦОВ, Валерий. История Калининградской области в документальных публикациях. In *Калининградской области – 60: этапы истории, проблемы развития.* Отв. ред. В. МАСЛОВ. Калининград, 2006, с. 5-23.
- ГАЛЬЦОВ, Валерий; СЕРГЕЕВ, Виктор. Проблема трансформации Восточной Пруссии в Калининградскую область в документальных публикациях и научных исследованиях. In *Antrojo pasaulinio karo pabaiga Rytų Prūsijoje: faktai ir istorinės įžvalgos* (Acta Historica Universitatis Klaipedensis, t. XVIII). Sud. A. L. ARBUŠAUSKAITĖ. Klaipėda, 2009, p. 71–86.
- КОСТЯШОВ, Юрий. «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев»: история одной публикации. In *Вторые всероссийские краеведческие чтения (Москва, 26-27 мая 2008 г.). Четвертые всероссийские краеведческие чтения (Челябинск, 20-22 мая 2010 г.).* Москва, 2011, с. 148–151.
- КОСТЯШОВ, Юрий. *Изгнание прусского духа: Как формировалось историческое сознание населения Калининградской области в послевоенные годы / МАТТЕС, Экхард. Запрещённое воспоминание: Возвращение истории Восточной Пруссии и региональное сознание жителей Калининградской области (1945-2001).* Калининград, 2003.
- КУЛАКОВ, Владимир. История Кенигсберга в отечественной историографии с 1945 года. In *Калининградские архивы.* Вып. 1. Калининград, 1998, с. 128-135.
- РЕПИНА, Лорина. *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.* Москва, 2011.
- СУВОРОВ, Виктор. Древняя история края в исследованиях 1940–1960 годов. In *Калининградские архивы: материалы и исследования.* Вып. 1. Калининград, 1998, с. 116-127.
- СУВОРОВ, Виктор. Становление исторического краеведения Калининградской области. In *Проблемы истории Восточной Пруссии: материалы конференции.* Калининград, 1993, с. 6.
- ХОППЕ, Берг. Кёнигсберг/ Калининград в XX в. – фокус современной европейской истории. In *Балтийский регион в истории России и Европы.* Ред. В. ГАЛЬЦОВ. Калининград, 2005, с. 190-200.
- ХОППЕ, Берг. «Злой город» или часть собственной истории: об отношении к немецкой архитектуре в Калининграде после 1945 г. In *Кёнигсберг-Калининград: город, история.* Отв. ред. В. МАСЛОВ. Калининград, 2005, с. 82-91.
- ВАХТИН, Anatolij; DOLIESEN, Gerhard. *Vergessene Kultur: Kirchen in Nord-Ostpreussen: eine Dokumentation.* Husum, 1998.
- BERGER, Stefan. Kaliningrader Identitäten nach dem Ende des Kalten Krieges: einige einleitende Bemerkungen. In *Kaliningrad in Europa. Nachbarschaftliche Perspektiven nach dem Ende des Kalten Krieges.* Hrsg. von S. BERGER. Wiesbaden, 2010, S. 9-34.
- BRODERSEN, Per. *Die Stadt im Westen. Wie Königsberg Kaliningrad wurde.* Göttingen, 2008.
- HOPPE, Bert. *Auf den Trümmern von Königsberg. Kaliningrad 1946-1970* (Schriftenreihe der Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, Bd. 80). München, 2000.
- PODEHL, Markus Helmut. *Architektura Kaliningrada. 1917–1991. Wie aus Königsberg Kaliningrad wurde.* Diss. ETH Zürich, 2010.
- SAFRONOVAS, Vasilijus. Antrojo pasaulinio karo įvykiai Rytų Prūsijoje Klaipėdos krašto ir Kaliningrado srities atminimo kultūroje. In *Antrojo pasaulinio karo pabaiga Rytų Prūsijoje: faktai ir istorinės įžvalgos* (Acta Historica Universitatis Klaipedensis, t. XVIII). Sud. A. L. ARBUŠAUSKAITĖ. Klaipėda, 2009, p. 87–108.
- SAKSON, Andrzej. *Od Klajpedy do Olsztyna. Współcześni mieszkańcy byłych Prus Wschodnich: Kraj Klajpedzki, Obwód Kaliningradzki, Warmia i Mazury.* Poznań, 2011.
- SEZNEVA, Olga. Modalities of Self-understanding, Identification and Representation in the Post-1991 Kaliningrad. A critical view. In *Kaliningrad in Europa. Nachbarschaftliche Perspektiven nach dem Ende des Kalten Krieges.* Hrsg. von S. BERGER. Wiesbaden, 2010, S. 35-57.

## „ŠERMUKŠNĖLIS PRIE ŠAUDYMO ANGOS“: IKIKARINĖS PRAEITIES REABILITAVIMAS KALININGRADIEČIŲ ATMINTYJE (XX AMŽIAUS 8–9-ASIS DEŠIMTMEČIAI)

**Ilja Dementjev**

Baltijos federalinis Immanuelio Kanto universitetas, Kaliningradas, Rusija

### Santrauka

Simbolinis Kaliningrado srities erdvės pasisavinimas šiandien traukia tiek Rusijos, tiek kitų šalių tyrinėtojų dėmesį. Istoriografijoje yra išgalėjusi nuomonė, kad dėl griežtų ideologinių apribojimų iki 9-ojo dešimtmečio vidurio ar netgi iki 1991 m. legaliai pažinti ir dėstyti regiono istorijos buvo neįmanoma. Daugelis šiuolaikinių Kaliningrado srities istorijos tyrinėtojų (Rusijoje ir kitose šalyse) koncentruojasi į svarbiausią 5-ojo dešimtmečio pabaigos – 6-ojo dešimtmečio laikotarpį, kurio metu šiaurinėje buvusios Rytų Prūsijos dalyje buvo dedami tarybinės santvarkos pagrindai, formavosi oficialusis diskursas apie istoriją, lėmęs ir ikikarinės praeities vietą (tiksliau, jos nebuvimą) kaliningradiečių atmintyje. Reikšmingiausiuose Vokietijos autorių veikaluose chronologinės ribos yra išplėtos iki 1970 m. Taigi 8–9-ojo dešimtmečių laikotarpis, suvaidinęs savitą vaidmenį formuojantis kaliningradiečių regioninei tapatybei, pažintas dar menkai. Būtent šiuo laikotarpiu vyko oficialiojo diskurso ir gimstančių alternatyvių diskursų apie regiono praeitį susidūrimai. Kaliningradiečių patirties priešinant oficialiesiems tabu analizė leidžia suvokti fenomenalią istorinės tematikos sėkmę Pertvarkos metais. Taigi atskleisti tipiškas strategijas, kurios plėtė galimų veikslių ikikarinei regiono praeičiai pažinti pasirinkimo spektrą vėlyvuju tarybiniu laikotarpiu, yra aktualu.

Karo ir pergalės atminimas šiuo laikotarpiu buvo palaikomas tokiomis pat formomis kaip ir anksčiau. Žygdarbiui atminti, be paminklų statybos, buvo plėtojama ugdomoji veikla mokyklose ir aukštojo mokslo įstaigose. Tačiau be to, 8-ajame dešimtmetyje prasidėjo ir pavienių ikikarinės statybos pastatų atstatymas, konsolidavęs profesinę architektų grupę, pasirengusią kūrybiškai pasisavinti vokiečių kultūros palikimą. Kita grupė tapo Kaliningrado universiteto inteligentija. Dėl ideologinių priežasčių ikikarinės Karaliaučiaus istorijos pažinimą joje pradėjo ne istorikai, bet kitų profesijų atstovai (matematikai, geografs, filosofai), įvairiais būdais bandę apeiti cenzūros apribojimus. Srities muziejai, atskleisdami ikikarinę krašto istoriją, griežtai vykdė valdžios reikalavimus, taigi daugiau dėmesio teskirdavo temoms, susijusioms su Rusijos ginklo šlove. Išimtimi šiuo atveju tapo Kristijono Donelaičio tema, vaizduojant pastarąjį kaip kovotoją su vokiečių kolonizacija. Mokyklų muziejų ekspozicijose, kaip ir iki tol, pagrindinį vaidmenį vaidino tarybinių žmonių ginklo ir darbo žygdarbių tematika, tačiau pažindami atskirus Rytų Prūsijos karinės operacijos (1944–1945 m.) epizodus, mokiniai pratinosi vartoti vokiškąją toponimiką, dalyvaudavo kraštotyrynės tematikos plėtroje.

8-ojo dešimtmečio ir 9-ojo dešimtmečio pirmosios pusės periodinių leidinių analizė rodo, kad ikikarinės praeities vertinimai evoliucionavo netgi oficialaus diskurso rėmuose. Į laikraščių puslapius prasiskverbavo vietas kitas ikikarinės statybos pastatų vaizdas, buvo spausdinamos nuomonės apie kontrastą tarp vokiečių architektūros ir tarybinio laikotarpio statybų. Dar didesnį galimumo ribų praplėtimą rodė vokiškojo palikimo pasisavinimas menų formomis (teatras, literatūra, ypač Jurijaus Ivanovo veikalai): pasakojimas apie Karaliaučių pamažų įgavo humanistinį pobūdį,



o vokiečių vaizdinys tapo vis žmogiškesnis. Tas pats pasakytina ir apie 8–9-ojo dešimtmečių Kaliningrado poeziją, kurioje tarybiniai poetai pamažu „savinosi“ ikikarinės praeities vaizdinius. Čia Borisas Kačalovas sukūrė ir „šermukšnėlio prie šaudymo angos“ vaizdinį – taikaus Kaliningrado ant Karaliaučiaus griuvėsių metaforą, kuri lygiai galėjo būti perskaityta kaip vokiškojo palikimo karinės retorikos fone metafora.

Domėjimasis vokiškąja praeitimi srityje vystėsi pagal tokią schemą – natūralus smalsavimas (pirmąjį impulsą suteikė architektūrinė ir kraštovaizdžio aplinka); patvarus interesas, kurį stiprino vizualizavimas; praktiniai veiksmai palikimui išsaugoti, įskaitant objektų fotofiksacijas ir nesmurtinius protestus prieš oficialųjį diskursą (gėlių padėjimas prie Kanto kapo).

Pertvarkos metais (1985–1991 m.) legalizuotas domėjimasis Kaliningrado srities praeitimi įgavo įvairiopus išraiškos formas. Istorikai ėmėsi tirti ankstyviausią istoriją (archeologija) ir srities apgyvendinimo procesus pokariu (žodinė istorija). Laikraščiuose imta aktyviai publikuoti ikikarinės architektūros vaizdus, straipsnius apie krašto istoriją, skaitytojų laiškus. Vienu pagrindinių ikikarinės praeities reabilitavimo proceso veikėjų tapo Tarybinio kultūros fondo skyrius. Vienu metu veikė kelios neformalios grupės, kurios užsiėmė tiek savišvieta bei šviečiamąja, tiek ir politine veikla. Valdžia turėjo reaguoti į visuomenės judėjimą, bandė kurti dialogą su neformaliosiomis grupėmis. Didelį atgarsį sukėlė dvi 1988 m. laikraštyje „Kaliningradskij komsomolec“ paskelbtos publikacijos – jaunimo iniciatyvos sukurti istorinio-kultūrinio draustinio zoną Kaliningrado centre pristatymas ir Vadimo Chrappos manifesto ištraukos, kuriose pirmą kartą buvo viešai paskelbta, jog kaliningradiečių atmintyje esama vietos ir ikikarinės Prūsijos istorinei patirčiai.

Pertvarkos metais sustiprėjęs politinis protestas buvo nukreiptas į kaliningradiečių atminties dvilypumo problematiką. Tačiau masiniam susidomėjimui ikikarine praeitimi 1987–1990 m. sąlygas parengė daugybė įvairių žmonių elgesio strategijų, kaip priešintis oficialiam diskursui, taikytų 8-ajame dešimtmetyje ir 9-ojo dešimtmečio pirmojoje pusėje.

## **“ROWAN AT A GUNSLLOT”: REHABILITATION OF THE PRE-WAR PAST IN KALININGRADIANS’ MEMORY (1970s-1980s)**

**Илья Демутьев**

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

### **S u m m a r y**

To date, the symbolical appropriation of the area of Kaliningrad Oblast is of interest to researchers both in Russia and abroad. In historiography, an opinion prevails that, due to strict ideological restrictions, legitimate studies or teaching of the history of the region were impossible before mid-80s or even 1991. Most of contemporary researchers into the history of Kaliningrad Oblast (in Russia or other countries) focused on the most significant period from the end of 40s to 50s during which the foundations of the Soviet system were laid in the northern part of the former East Prussia and the official discourse of history was forming that determined the place of the pre-war past (or, more precisely, its absence) in the memory of Kaliningrad people. In major works of German researchers, the chronological boundaries were extended to 1970. Thus, the period of 70s to 80s, which played a specific role in the formation of the regional identity of Kaliningrad population, has

not been studied extensively. However, it was in that period that the clashes between the official and the emerging alternative discourses of the past of the region took place. The analysis of the experience of Kaliningrad people who opposed the official taboos enables one to understand the phenomenal attraction to historical themes in the years of Perestroika. Therefore, the disclosure of typical strategies which extended the range of possible activity of getting to know the pre-war history of the region in the late Soviet period remains a topical issue.

During the period in question, the memory of the war and the victory was maintained in the same forms as before. To remember the heroic deed, beside monument erection, educational activities in comprehensive secondary and higher schools were implemented. However, next to that, reconstruction of individual pre-war buildings started in the 70s, which got together a group of professional architects ready to creatively appropriate the heritage of German culture. Another group included the intellectuals of Kaliningrad. Due to ideological reasons, it was not historians who initiated the acquaintanceship with the pre-war history of Königsberg, but rather representatives of other professions (mathematicians, geographers, and philosophers) who struggled to overcome censorship restrictions in different ways. Regional museums strictly observed the official requirements in the presentation of the pre-war history of the area; therefore, the principal attention was paid to themes related to the glory of the Russian weapon. The only exception was the theme of Kristijonas Donelaitis presented as a fighter against German colonization. In the exhibitions of school museums, just as before, the main role was played by the theme of heroic fight and work of Soviet people; however, when studying individual episodes of the East Prussian military campaign of 1944-1945, schoolchildren practiced using German placenames and took part in the development of regional studies.

The analysis of the periodicals of the 70s and early 80s witnesses the evolution of the evaluation of the pre-war past even in the framework of the official discourse. One or another picture of pre-war buildings would find place on the pages of newspapers, and the opinions of the contrasts between German architecture and Soviet constructions were published. Another extension of the boundaries of possibility was demonstrated by the appropriation of the German heritage by forms of art (theatre, literature, and especially the works of Yuri Ivanov): stories about Königsberg were gradually acquiring a humanist character, and the image of Germans was becoming increasingly more humane. The same could be said about the poetry in Kaliningrad in the 70s to 80s, in which Soviet poets gradually “appropriated” the images of the pre-war past. Thus, Boris Kachalov created the image of “a rowan at a gunslot”: the metaphor of peaceful Kaliningrad on the ruins of Königsberg, which might equally well have been read as a metaphor of the German heritage against the background of the military rhetoric.

The interest in the German past in the region was evolving under the following schema: natural curiosity (first stimulated by the architectural and landscape environment); a stable interest reinforced by visualization; and practical steps taken to preserve the heritage, including photo recordings of objects and non-violent protests against the official discourse (such as laying flowers on Kant’s grave).

In the years of Perestroika (1985-1991), the legalized interest in the past of Kaliningrad Region acquired diverse forms of expression. Historians took to studies of the earliest history (archaeology) and the post-war processes of the region population (oral history). Newspapers started active publishing of the objects of pre-war architecture, articles on the history of the region, and readers’ letters. A major agent of the process of rehabilitation of the pre-war past was the Soviet Culture Foundation Division. At one time, several informal groups were active which were engaged in both self-education and also in educational and political activities. The government had to respond to the public

movement and thus tried to initiate a dialogue with informal groups. Repercussions were caused by two publications in the Kaliningradskij komsomolec (A Kaliningrad Comsomol Member) paper in 1988: presentation of the youth initiative to create a historical-cultural reserve in the centre of Kaliningrad and the extracts of Vadim Chrappa's manifest which for the first time publicly announced that the memory of Kaliningrad people had place for the historical experience of pre-war Prussia.

Political protests that became more active in the years of Perestroika were directed towards the issue of the dual memory of Kaliningrad people. However, the conditions for the mass interest in the pre-war past in 1987-1990 were created by a wide variety of people's behaviour strategies in opposing the official discourse in the 70s and early 80s.